Тема номера: Развитие городов и социальные технологии

Политика памяти и символьный дизайн в городе

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва

E-mail: kapizin@yandex.ru

Политика памяти и символьный дизайн в городе

Аннотация

Автор, используя визуальный анализ консолидирующих символов, рассматривает политику памяти в городах с учётом различий жизненных сфер как универсальных структур жизнедеятельности с определённым набором благ («нормой»), в которых индивидуальные и коллективные статусные знаки согласуются или расходятся, подчиняясь определённому ценностному коду. Среди таких жизненных сфер были выделены: *территориально-пространственная*, в которой порождаются знаки ландшафта, климата, окружающей среды, путей сообщения, планировки улиц; *естественно-антропологическая* со знаками социально-демографических состояний – быта, здоровья, детства, отрочества, зрелости, старости, феминности, маскулинности; *духовно-культурная*, формирующая знаки, включающиеся в мифы, верования, этические кодексы сообществ, т. е. в местный духовный нарратив, а также *агентно-профессиональная* со знаками самобытных достижений (местных народных промыслов, профессий, экономики). Полевой визуальный анализ символьного дизайна проводился в Воронеже, Ростове-на-Дону, Щёлково, Дубне, Мытищах, а дистанционный визуальный – в Екатеринбурге, Волгограде, Норильске, Златоусте. Значимый материал был получен в результате изучения зарубежных исследований о Будапеште, Кёльне, Харькове, Львове и некоторых других городов. Полезно в плане визуального анализа было исследование о городах Нижегородской области. Для обоснования суждений и выводов автора активно используется кейс-стади Магнитогорска. В работе показано, что особенности семиотики поселений определяются доминированием кодов одной из жизненных сфер. Формирование устойчивой доминанты промышленной деятельности большинства жителей в конкретном поселении вело к созданию индустриального центра, в том числе моногорода, где доминировали знаки агентно-профессиональной сферы. Соответственно в памяти жителей промышленных городов доминировали индустриализированные символы, соединявшие прошлое с будущим. Всё это пришло в противоречие с коммерциализированными символами настоящего. Как показало исследование, индустриализированные символы, благодаря политике памяти и символьному дизайну, могут консолидировать горожан и ориентировать на развитие. Политика памяти должна предотвращать политизацию символов, ведущую к «переполнению» политической жизни. Важно также обратить внимание на производство новых консолидирующих символов.

Ключевые слова: визуальный анализ, индустриализированные символы, политика памяти, символьный дизайн, промышленный город

Социальные изменения в ряде стран сопровождались событиями, усиливающими «турбулентность» исторической памяти. Порой изменения символов происходят, когда их диктует стихия, но чаще они проходят в рамках политики, которую называют политикой памяти.

Статья посвящена изучению формирования визуальных порядков в городе под влиянием политики памяти. Основной метод исследования – визуализация, реализуемая с помощью наблюдения и методик городских карт памяти. Изучение ландшафтного текста (полевой анализ, дистанционный анализ фото-видео-материала) подкрепляется интерпретацией неландшафтного текста города (анализ документов, ивент-анализ политики, контент-анализ прессы, ТВ и сайтов). Из объёма понятия «город» выделены промышленные города, в том числе моногорода, где фокусирование социальных ожиданий сильнее, чем в других поселениях.

У жителей российских промышленных городов в памяти доминировали индустриализированные символы, соединявшие прошлое с будущим – своеобразные «символические контейнеры» социальной идентификации.

Основная гипотеза. Политика памяти даёт общую канву ценностной интерпретации городских символов и идентичности горожан. Символьный дизайн влияет на оформление городского ландшафтного текста. У жителей российских промышленных городов в памяти доминировали индустриализированные символы, соединявшие прошлое с будущим – своеобразные «символические контейнеры» социальной идентификации. Индустриализированные символы прошлого необходимо использовать для консолидации горожан. Автор проводил полевой визуальный анализ символьного дизайна в Магнитогорске, Воронеже, Ростове-на-Дону, Щёлково, Дубне, Мытищах, а также дистанционный визуальный анализ (Екатеринбург, Волгоград, Норильск, Златоуст). Значимый материал дают зарубежные исследования Будапешта, Кёльна, Харькова, Львова и некоторых других городов. Полезно в плане визуального анализа исследование о городах Нижегородской области [Подъячев 2013].

Теоретические подходы

Я. Ассман считает, что память, передаваясь из поколения в поколение, удерживает наиболее значимое прошлое, которое становится «обосновывающей историей», более устойчивой в ментальном отношении, чем историческое знание, легко используемое для делегитимации отношения к прошлому. Он говорит о «каноне верного воспроизведения» текста, благодаря чему создаётся «обосновывающая история», «идентификационная символика», формируется политическая (городская или национальная) идентичность [Ассман 2004: 113, 183]. А. Миллер определяет «политику памяти» как различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти [Миллер 2008].

Особенно это актуально в обществах транзита, где затруднено понимание коммуникативной природы города, усиливается противоречие преемственности и разрыва легитимности. Смягчение этого противоречия достигается символьным оформлением памяти (символьным дизайном), направленным на консолидацию общих смыслов. Н. Луман отмечает значение «баланса» в восприятии постоянства и изменения при формировании памяти, способной тестировать новое на предмет его консистенции с конструируемой реальностью в процессе забвения и воспоминания [Луман 2005: 196–197]. Память выступает как комплекс коммуникативных структур, синхронизирующих социальные ожидания (структурные образцы смыслового фокусирования социальных ожиданий). Такой комплекс поддерживается символьным дизайном, создающим для трансляции политики памяти «символический контейнер» социальной идентификации [Завершинский 2012: 152, 158] или, другими словами, ряд *символьных комплексов*.

Политика памяти в городе – это деятельность городского сообщества под руководством муниципальной власти по формированию и использованию механизма «обоснования» памяти горожан и коммеморации.

Политика памяти в городе – это деятельность городского сообщества под руководством муниципальной власти по формированию и использованию механизма «обоснования» памяти горожан и коммеморации. Д. Шерман видит в коммеморации дискурсы и практики репрезентации событий, способствующие солидаризации сообщества [Sherman 1999: 7]. «Символьный дизайн» означает совокупность методических приёмов, позволяющих прояснять и формировать городской визуальный порядок. По мнению Дж. Джекобс, такой дизайн означает «сшивание» мелких визуальных фрагментов в общую ткань городского использования, настолько непрерывную и единую, насколько возможно» [Джекобс 2011: 400]. Символьный дизайн города влияет на размещение и интерпретацию мест памяти в символьных комплексах таким образом, чтобы легитимировать (делегитимировать) память о прошлом для настоящего и будущего.

Символьный дизайн – способы встраивания интерпретаций наследия в общий символьный облик города.

Так, к политике памяти относится позиционирование относительно архитектурно-планировочного скульптурного, топонимического, мемориального наследия города. А символьный дизайн – способы встраивания интерпретаций наследия в общий символьный облик города. Например, в Эстонии запретительное отношение к советским символам – это содержание и направленность политики памяти, а в качестве акта символьного дизайна выступил перенос монумента «Бронзовый солдат» из центра города на кладбище. М. Надкарни описывает локализацию стоявших ранее на площадях и улицах сорока скульптурных памятников без постаментов и табличек в небольшом парке [Надкарни 2014]. При переименовании улиц в Будапеште на вывеске старое название оставалось вместе с новым, но перечёркивалось [Moor 2013]. А в Воронеже ряд улиц носит двойные названия (советские, а под ними воз-

вращённые досоветские). Интересные идеи и практики связи политики памяти и символьного дизайна реализовывались в проектах И. Склокиной в Харькове, В. Середы во Львове, разработке средового музея города-завода в Ижевске.

Т. М. Дридзе представляет городское пространство как текст (совокупность знаков), осмысленное послание, предполагающее осмысленное восприятие. Знаки не только «замещают» реальные объекты, но и задают программу деятельности и поведения истолкователям послания [Дридзе 1995: 334–335]. Эффективность такого представления зависит от политики памяти, которая проводится благодаря символам, понимаемым и как визуальные, и как действия. Благодаря символам обеспечивается идентификация и стабильная идентичность в политике.

Влияние политики памяти по необходимости зависит от воспроизводства «нормальной» жизни, помогает совмещать повседневность с политической жизнью за счёт набора символьных образцов, т. е. планомерно выводить сознание людей за пределы повседневности, в область политической жизни.

В основе становления и воспроизводства городской символики лежат знаки повседневной жизнедеятельности; при соответствующей интерпретации они могут стать символами изоморфных практик, входящих в определённые символьные комплексы. Интересен семиозис советского промышленного города, а тем более моногорода, определявшийся идеологизацией символьных комплексов героического прошлого и настоящего. На восприятие, интерпретацию жителями символов («текста») индустриального пространства влиял семиотический механизм, включавший в себя повседневный поселенческий уровень. Ведь именно в жизни горожан находятся исходные топосы индустриальности (на уровне поселения, быта, духовной практики, труда, производства и распределения благ). Это – источник происхождения смыслов, связывающих прошлое, настоящее, будущее. М. Эдельман отмечал, что «главные ключи к символической силе правительственных действий находятся в повседневной общественной и частной деятельности, а не в экзотических и церемониальных актах государства» [Edelman 1990: 17].

В *основных жизненных сферах* возникают индивидуальные и групповые статусные знаки «нормальной жизни», интерпретация которых у горожан сходится относительно определённого *набора благ*. Это – основа общих коллективных смыслов, кодируемых в индустриализированных символах, консолидирующих горожан. Например, в моногороде, где всё население зависит от одного-двух предприятий, последние уже в силу этого становятся экзистенциальными символами, историей и святыней для горожан.

Поэтому влияние политики памяти по необходимости зависит от воспроизводства «нормальной» жизни, помогает совмещать повседневность с политической жизнью за счёт набора символьных образцов, т. е. планомерно выводить сознание людей за пределы повседневности, в область политической жизни. Политическая жизнь – «накопитель» консолидирую-

щих и дифференцирующих символьных образцов, действий общественности, которая и отграничивает повседневность от государственной политики, и «посредничает» между ними. Попадая в эту область, символьные образцы повседневности политизируются в соответствии с политикой памяти. Так, в Кёльне в 2014 г. разгорелись конфликты, когда местные мусульмане решили строить минареты выше, чем местная кирха. Политика памяти должна предотвращать политизацию символов, ведущую к «переполнению» политической жизни.

Политику памяти промышленного города необходимо рассматривать с учётом различий *жизненных сфер* как универсальных структур жизнедеятельности с определённым набором благ («нормой»), в которых индивидуальные и коллективные статусные знаки согласуются или расходятся, подчиняясь определённому ценностному коду. Основных жизненных сфер четыре:

1. Территориально-пространственная сфера (код – территориальность), где порождаются знаки ландшафта, климата, окружающей среды, путей сообщения, планировки улиц.

2. Естественно-антропологическая сфера (код – телесность) со знаками социально-демографических состояний – быта, здоровья, детства, отрочества, зрелости, старости, феминности, маскулинности.

3. Духовно-культурная сфера (код – духовность), формирующая знаки, включающиеся в мифы, верования, этические кодексы сообществ, т. е. в местный духовный нарратив.

4. Агентно-профессиональная сфера (код – агентность) со знаками самобытных достижений (местных народных промыслов, профессий, экономики).

Особенности семиотики поселений определяются доминированием кодов одной из жизненных сфер. Формирование устойчивой доминанты промышленной деятельности большинства жителей в конкретном поселении ведёт к формированию индустриального центра, в том числе моногорода, где доминируют знаки агентно-профессиональной сферы. У промышленных городов в памяти доминируют индустриальные коды, поддерживаемые идейным контекстом.

Память и консолидирующие символы промышленного города. Случай Магнитогорска

В политике памяти городские ориентиры отмечаются как символы веры и особые достижения, выявляя городской портрет [Kostof 1993: 296]. Значимые объекты могут стать

консолидирующим символом (гора Магнитная, комбинат в Магнитогорске) или, наоборот, конфликтогенным (ЦБК в г. Байкальск). В лесных поселениях лес может стать как объединяющим, так и разъединяющим символом, как и рыба в прибрежных городах и посёлках. В г. Карабаше медный завод был закрыт по экологическим соображениям, но потом по требованиям жителей вновь запущен. Повседневность даёт материал для политики памяти.

В семиотический механизм города знаки повседневности включаются с помощью ценностей (ценностных кодов), которые горожане приписывают себе и городу; как правило, это – позитивные качества (в целостной биографии).

Жизненные сферы задействованы в формировании местного нарратива. В семиотический механизм города знаки повседневности включаются с помощью ценностей (ценностных кодов), которые горожане приписывают себе и городу; как правило, это – позитивные качества (в целостной биографии). Ценностный код территориальности включал ценности сбережения природы, территориальной идентичности. Код телесности интегрировал ценности семьи: взаимоуважения супругов, детей, родителей, охраны здоровья, детства, старости, соседства, социальной защиты, спорта. Код духовности включал стремление к знаниям, почтение к героям, историко-культурным памятникам, местам захоронения. В коде агентности интегрируются ценности трудолюбия, соревнования, профессионализма.

Все это позиционируется в политике памяти, воспроизводится в новых условиях. Ценностные коды, включённые в символьные комплексы прошлого, могут воспроизводиться в настоящем для будущего. В г. Златоуст продолжают функционировать символы металлургии, в то же время позиционируются мастера холодного оружия (ножи, кортики, клинки, сабли), т. е. включены символы досоветского периода в общий ряд памяти.

Эти коды способствуют воспроизводству знаков повседневной жизни, отражению их в символьных комплексах (планировке улиц, площадей, памятниках, праздниках). Политика памяти и используемая символика вписывается в концепцию «градов» и «режимов публичного оправдания» (Л. Болтански, Л. Тевено), согласно которой жители оправдывают совместное сосуществование значимостью какого-то общего блага или справедливости. Символ общезначимого блага обосновывает консолидацию [Каркюф 2002: 153–155].

Мы, в частности, исследовали архитектурно-планировочные, скульптурные, природно-ландшафтные символы г. Магнитогорска. Символьное пространство города представлено как соединение «ландшафтного» и «неландшафтного» текстов. Многие символьные комплексы города можно считать примером продуманной политики памяти и успешного символьного дизайна. Особое внимание обращено на то, как знаки (символы) города, отражая прошлое, влияли на консолидацию горожан. Использовалась концепция Л. Б. Когана

о наращивании интеграционного потенциала благодаря связности центральности, срединности, периферийности [Коган 1990: 23–29, 173–175]. Выясняется, как формируемые ряды знаков под влиянием ценностных кодов соединялись в символьных комплексах в ходе становления промышленного города, способствуя формированию его ландшафтного и неландшафтного текстов.

Магнитогорск формировался с 1929 г. как рабочий посёлок около уникального месторождения у горы Магнитной. Все объекты и их названия возникали на этом месте впервые. Рост масштабов стройки Магнитогорского металлургического комбината (ММК) определил облик моногорода. Магнитогорск располагается на берегах реки Урал. Левобережная часть (Азия) – промышленная зона, где возводились и первые жилые кварталы. ММК выступал как доминантный символьный макрокомплекс, включающий выразительную панораму. «Лицом» к этой панораме-символу формировался Ленинский район города со зданиями в классическом стиле. От корпусов ММК шёл Центральный мост через Урал (см. рис. 1) и переходил в площадь с красивым въездом – начало проспекта Металлургов, завершавшегося центральной для того времени площадью с символьным комплексом, включающим монумент Ленина, горно-металлургический институт, ЦУМ и другие здания.

Рис. 1. Магнитогорск. Центральный мост и въезд на проспект Металлургов

Вторая архитектурно-планировочная ось – перпендикулярные проспекту Металлургов два других проспекта – Ленина и Маркса, также застроенные зданиями в классическом стиле. Эти проспекты выступили доминантами, задавшими иерархию центра, срединности и периферии. Архитектурно-планировочная стратегия ориентировалась на панораму-символ ММК (см. рис. 2). Показательна продуманность планировки промышленной архитектуры ММК, идущих к нему улиц с красивыми жилыми кварталами, театром, дворцами культуры, знаменитым 1-м кварталом («Соцгород»). В городе много ретро-символов: памятник «Первая палатка»; мартен, выдавший пер вый чугун в 1932 г.; паровоз, привёзший первых переселенцев, и др.

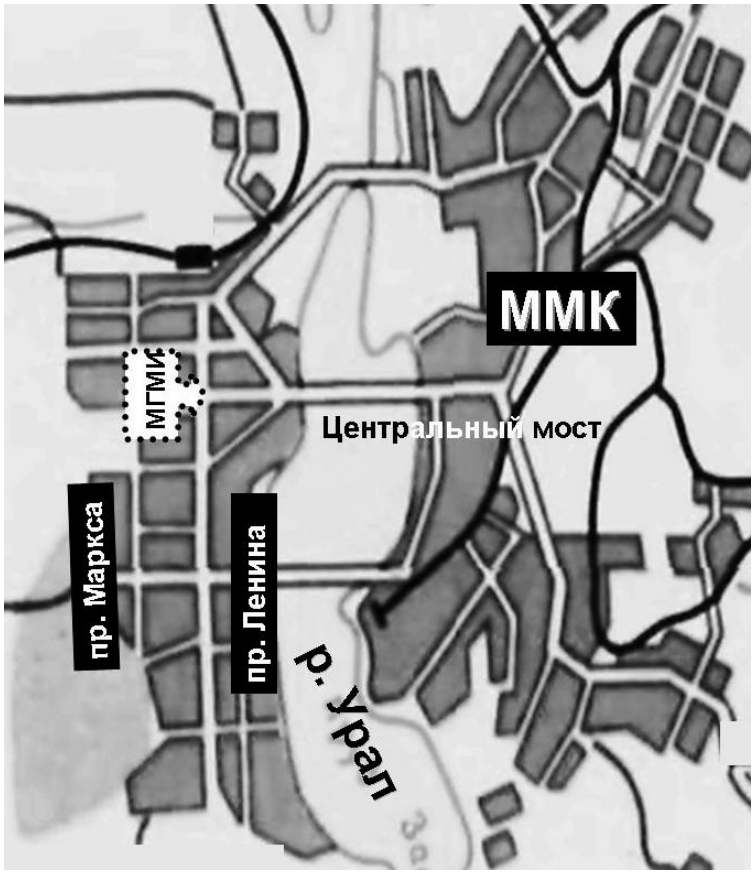

Рис. 2. План центральной части г. Магнитогорска

В конце 1980-х гг. началось разрушение символьных комплексов ММК и города. Правда, процесс не завершился. Перспектива сохранения рабочих мест и устойчивого производства в городе перевесила экологические аргументы. В 2009 г. введён в строй стан 5000 толстолистового проката, в 2011–2012 гг. – стан 2000 холодной прокатки, в 2014 г. проведена реконструкция стана 2500. Укрепился символьный комплекс ММК. Из «сообществ коллективной памяти» по-прежнему превалировали работники ММК и члены их семей, консолидировавшиеся, несмотря на сильную дифференциацию между менеджментом и рядовыми работниками. Проявилась универсальная тенденция: «процесс признания и преодоления прошлого определяется, в первую очередь,

политическими интересами и интересами влиятельных акторов» [Маколи 2011: 139]. Структура групповых интересов обусловила потребность в реконструкции политики памяти.

Уже к середине 1990-х гг. в сознании большинства горожан произошла реставрация символов ММК, городского патриотизма, примиряющего «индустриализм» и «экологизм». При экономических спадах патриотизм ослабевал, но другие доминантные символы не сформировались. Сохранилась топонимика улиц. Наиболее значимые новые символы тесно связаны с ММК (достроенная ледовая арена имени И. Х. Ромазана; команда «Металлург» – чемпион России 2007 г., обладатель Кубка МХЛ 2014 г.).

В постсоветском Магнитогорске уделялось внимание и другим консолидирующим символам. На выездах с мостов через Урал на Правый берег созданы символьные комплексы. Это Свято-Вознесенский кафедральный собор у четвёртого моста (историческая Казачья переправа), Соборная мечеть на выезде с третьего моста. Строительство храма начиналось в 1989 г. ММК и 300 других организаций, многие горожане жертвовали средства. Храм освящён в 2004 г. накануне Дня Металлургов и 75-летия города. Соборная мечеть достроена также в 2004 г. Проводится конкурс оркестров и ансамблей народных инструментов «Европа – Азия». Имя дважды Героя Советского Союза космонавта П. Р. Поповича, учившегося в Магнитогорске, присвоено скверу; памятная плита в его честь заложена в апреле 2011 г. на местной аллее Славы. Средствами коммеморации стали ежегодное празднование Дня Металлурга и выпуск маркированных конвертов (открыток) к 80-летию ММК и Магнитогорска.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать следующие выводы. Семиотика моногорода обладает сильной инерцией. Новых символов, сравнимых с ММК, не возникло. Это можно использовать в патриотическом воспитании. От такого наследства нельзя отказываться, о чём свидетельствует опыт Волгограда [Макаров 2013: 27]. Но в целом в политике памяти сохраняется ностальгирующий характер, обозначились трудности с производством консолидирующих символов.

Важной задачей политики памяти моногородов остаётся, наряду с сохранением и реинтерпретацией индустриальных символов, соответствующая систематизация символьных комплексов, формирование символов, связывающих прошлое, настоящее и будущее. Разрабатываются, в частности, проекты развития Магнитогорска как туристического центра, реставрации архитектуры Левобережной части.

Необходимо решать нарастающие потери центральности в новых микрорайонах, застраиваемых однотипными зданиями, в связи с чем ограничиваются возможности символьного дизайна. Но для символьного дизайна здесь есть ресурсы – формирование символов центральности в новых микрорайонах можно увязать с решением проблемы острой нехватки школ и детских садов. Именно эти учреждения при продуманной планировке и архитектурном оформлении, присвоением им имён земляков, могли бы стать центральными символьными комплексами, которые соединяют знаки жизненных сфер и городскую политику памяти с настоящим и будущим.

Библиографический список

Ассман Я. 2004. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры. 368 с.

Джекобс Дж. 2011. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство. 460 с.

Дридзе Т. М. 1995. Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды // Города как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука. С. 334–344.

Завершинский К. Ф. 2012. Символические структуры политической памяти // Символическая политика. М.: ИНИОН. С. 149–163.

Каркюф Ф. 2002. Новые социологии. СПб: Алетейа. 172 с.

Коган Л. Б. 1990. Быть горожанами. М.: Мысль. 205 с.

Луман Н. 2005. Эволюция. М.: Логос. 256 с.

Макаров А. И. 2013. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункции коммеморации // Память и памятники. Волгоград: Волгогр. гос. ун-т. С. 19–28.

Маколи М. 2011. Историческая память и общество сограждан // Pro et contra. № 1–2. С. 134–149.

Миллер А. И. 2008. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлечённого наблюдения. Лекция. 7 мая 2008. Polit.ru. URL: http://www.polit.ru/article/2008/05/07/miller/ [Дата посещения: 25.04.2011].

Надкарни М. 2014. О времени, травме и монументе: парк-музей скульптур в Будапеште // НЛО. № 2 (126). URL: http://www.nlobooks.ru/node/4821 [Дата посещения: 15.09.2014].

Подъячев К. В. 2013. Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремёсел // Вестник Института социологии. № 7. С. 77–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2013_7.pdf [Дата посещения: 15.09.2014].

Edelman M. 1990. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt am Main: Campus Verlag. 202 S.

Kostof Sp. 1993. The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History. N.Y.: Bulfinch Press. 352 p.

Moor C. 2013. The renaming the public space in Budapest: the divided politics of contemporary Hungarian identity. PECOB. June 2013. N 36. Bologna: University of Bologna. 20 p.

Sherman D. 1999. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago: University of Chicago Press. 448 p.

Politics of Memory and the Symbolic Design of the Urban Environment

Kapitsyn Vladimir Mikhailovich

Professor, doctor of political sciences, Department of political science, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: kapizin@yandex.ru

Abstract. This research uses the visual analysis of a number of consolidating symbols in order to analyze the politics of memory in various cities, while taking into account the differences between the various facets of life – i.e. the universal structures where the status symbols of individuals and groups either complement or contradict one another, following a certain set of values. Among these facets of life, we distinguish: *the spacial and territorial* facet, which creates symbols connected to the landscape, climate, environment, transportation, or street planning; the *natural anthropological* facet, which comprises social and demographic symbols, linked to everyday routine, health, childhood, adolescence, maturity, seniority, femininity, and masculinity; the *spiritual and cultural* facet, which gives rise to symbols that are part of the communities' myths, beliefs, ethic codes (in other words, the spiritual narrative); and finally, the *professional actor* facet, which includes symbols of distinctive achievements (local arts and crafts, professions, or the economy). The visual analysis of symbol design was carried out as a field study in Voronezh, Rostov-on-Don, Shchyolkovo, Dubna, and Mytishchi, and as a distance study in Ekaterinburg, Volgograd, Norilsk, and Zlatoust. A significant data corpus was also derived from reviewing foreign research conducted in Budapest, Cologne, Kharkiv, Lviv, and several other cities. This research was also greatly furthered by the study of several towns in the Nizhny Novgorod region. In addition, while substantiating our points and conclusions, we make frequent references to a case study in Magnitogorsk. This article reveals that the community's semiotics are determined by the dominance of symbols from one of the facets of life described above. For example, if the overwhelming majority of community members was involved in industrial production, this led to the rise of an industrial center (in some cases, even a so-called one-company town), where the environment was dominated by professional actor symbols. Consequently, most of the locals' memories were connected with industrial symbols, which helped link their past to their future. Currently, this thought process does not reflect the present-day commercialized symbols. On the other hand, this study shows that politics of memory and symbol design can help turn industrialized symbols into a tool for consolidating the community and setting the city on a path towards development. It is important to note that the politics of memory cannot result in the emergence of symbols that are over-saturated with political undertones. It is also vital to develop new consolidating symbols.

Keywords: visual analysis, industrialized characters, the politics of memory, character design, industrial city.

References

Assman Ja. Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory. The Letter, the Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. M..: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 368 p.

Dzhekobs Dzh. Smert' i zhizn' bol'shih amerikanskih gorodov [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 460 p.

Dridze T. M. Kommunikativnye mehanizmy kul'tury i prognozno-proektnyj podhod k vyrabotke strategii razvitija gorodskoj sredy [Communicative Mechanisms of Culture and Forecast-Project Approach to Elaborating a Strategy on the Urban Environment Development]. Goroda kak sociokul'turnoe javlenie istoricheskogo processa. Moscow, Nauka, 1995, pp. 334–344.

Edelman M. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 1990. 202 S.

Karkjuf F. Novye sociologii [New Sociologies]. SPb: Aleteja. 2002.172 p.

Kogan L. B. Byt' gorozhanami [The Citizen's Life]. Moscow, Mysl', 1990. 205 p.

Kostof Sp. The City Shaped: Urban Patterns and Meanings Through History. New York, Bulfinch Press, 1993. 352 p.

Luman N. Evoljucija [Evolution]. Moscow, Logos, 2005. 256 p.

Makarov A. I. Fenomen pamjatnika v sovremennoj kul'turnoj situacii: disfunkcii kommemoracii [The Phenomenon of the Monument in the Modern Cultural Situation: Dysfunction of Commemoration]. Pamjat' i pamjatniki. Volgograd, Volgogr. gos. un-t, 2013, pp. 19–28.

Makoli M. Istoricheskaja pamjat' i obshhestvo sograzhdan [Historical Memory and Citizens' Community]. Pro et Contra, 2011, no 1–2, pp. 134–149.

Miller A. I. «Istoricheskaja politika» v Vostochnoj Evrope: plody vovlechennogo nabljudenija ["The Politics of History" in Eastern Europe: the Results of Involved Observation]. Lekcija. 7 maja 2008. Polit.ru. URL: http://www.polit.ru/article/2008/05/07/miller/ [date of visit 25.04.2011].

Moor C. The Renaming the Public Space in Budapest: the Divided Politics of Contemporary Hungarian Identity. PECOB. June 2013, no 36. Bologna, University of Bologna, 2013. 20 p.

Nadkarni M. O vremeni, travme i monumente: park-muzej skul'ptur v Budapeshte [About Time, Injury and Monuments: Park-Museum of Sculptures in Budapest]. NLO, 2014, no 2 (126). URL: http://www.nlobooks.ru/node/4821 [date of visit 15.09.2014].

Podyachev K. V. Nizhegorodskaja oblast': industrial'nyj centr i hranitel' remesel [Nizhni Novgorod Region: Industrial Center and Keeper of Crafts]. Vestnik Instituta sociologii, 2013, no 7, pp. 77–90. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/vestnik_is_2013_7.pdf [date of visit 25.04.2011].

Sherman D. The Construction of Memory in Interwar France. Chicago, University of Chicago Press, 1999. 448 p.

Zavershinskij K. F. Simvolicheskie struktury politicheskoj pamjati [The Symbolic Structure of the Political Memory]. Simvolicheskaja politika. Moscow, INION, 2012, pp. 149–163.